

*Посвящается Молли Майерс
в ответ на многие любезности*

Глава 1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНЧ

Миссис Оливер посмотрелась в зеркало. Краем глаза взглянув на часы на камине, которые, по ее смутным подозрениям, отставали минут на двадцать, она вернулась к изучению своей прически.

Беда миссис Оливер была в том — и сама она признавала это, — что стиль ее прически постоянно менялся. Она перепробовала по очереди почти все: и строгую высокую «помпадур», и развевающуюся с зачесанными назад волосами, чтобы открыть интеллектуальный лоб — по крайней мере, она надеялась, что интеллектуальный. Пробовала миссис Оливер и тугие завитки, и нечто вроде артистического беспорядка. Однако ей пришлось признать, что сегодня стиль прически не так важен, поскольку сегодня она собиралась сделать то, что совершала очень редко, — надеть шляпку.

8 *Агата Кристи*

На верхней полке платяного шкафа у миссис Оливер лежали четыре шляпки. Одна определенно предназначалась для свадеб. Когда идешь на свадьбу, шляпка — обязательный атрибут. Однако даже на этот случай миссис Оливер держала две. Одна, в круглой коробке, была с перьями. Она плотно сидела на голове и могла прекрасно противостоять внезапному ливню, если тот неожиданно начнется, пока идешь из машины под своды церкви или, как нынче часто бывает, в бюро регистраций.

Другая, более замысловатая, была определено для свадеб, справляемых в субботний летний день. На ней были цветы, и шифон, и легкая желтая сетка с закрепленной на ней мимозой. Остальные две шляпки на полке были более универсального характера. Одну миссис Оливер называла своей дачной шляпкой — она была из желтовато-коричневого фетра, хорошо идущего к твидовым костюмам почти любого фасона и с подходящими полями, которые можно было загнуть как вверх, так и вниз.

У миссис Оливер был теплый кашемировый пуловер, и пуловер полегче для жарких дней; оба по цвету подходили к этой шляпке. Однако, хотя эти пуловеры она надевала часто, шляпку — практически никогда. Потому что, в самом деле, зачем надевать шляпку, когда про-

сто едешь за город пообедать или поужинать с друзьями?

Четвертая шляпка была самая дорогая из всех и имела необычайное преимущество перед другими. Вероятно, иногда думала миссис Оливер, дело в ее дороговизне. Она представляла собой некое подобие тюрбана, состоящего из нескольких слоев бархата разных цветов, но непременно подobaющих пастельных оттенков, и подходила к любой одежде.

Постояв в сомнении, миссис Оливер обратилась за помощью.

— Мария, — позвала она, а потом повторила громче: — Мария! Подойди на минутку.

Пришла Мария. Она привыкла, что у нее спрашивают совета, когда миссис Оливер раздумывает, что надеть.

— Собираетесь надеть вашу прелестную, изящную шляпку, да? — сказала Мария.

— Да, — ответила миссис Оливер. — Я хотела узнать, как ты думаешь, она будет выглядеть лучше так или наоборот?

Мария отшагнула назад и посмотрела.

— Ну, вы же надели ее задом наперед, не правда ли?

— Да, я знаю, — сказала миссис Оливер. — Я прекрасно знаю. Но я подумала, что так она почему-то смотрится лучше.

— Ой, с чего бы это? — удивилась Мария.

— Ну, наверное, так и было задумано... Должно быть, я так задумала, когда покупала, как и продавец, когда продавал.

— Почему вы думаете, что наоборот лучше?

— Потому что так получается милый оттенок голубого и темно-коричневого, и, по-моему, так смотрится лучше, чем с зеленым, красным и шоколадным цветом. — С этими словами миссис Оливер сняла шляпку, снова примерила ее задом наперед, потом правильно — и боком. Последний вариант она и Мария безоговорочно забраковали.

— Ее нельзя носить широкой частью вперед. То есть это не идет к вашему лицу, верно? Так не пойдет ни к какому лицу.

— Да, не пойдет. Думаю, в конечном итоге придется надеть ее правильным образом.

— Ну, я думаю, это всяко безопаснее, — сказала Мария.

Миссис Оливер сняла шляпку. Мария помогла ей надеть хорошо скроенное тонкое шерстяное платье деликатного красно-коричневого цвета и помогла пристроить на голове шляпку.

— Вы выглядите так изящно, — сказала она.

Вот это и нравилось миссис Оливер в Марии. Если выдавался малейший повод, она всегда одобряла и хвалила.

— Собираетесь произнести спич за лэнчем? — спросила Мария.

— Спич! — ужаснулась миссис Оливер. — Нет, конечно нет. Ты же знаешь, я никогда не произношу речей.

— Ну, мне казалось, на литературных ленчах всегда произносят речи. Вы для этого и собираетесь, разве нет? Знаменитые писатели тысяча девятьсот семьдесят третьего — или какой у нас нынче год?

— Мне нет нужды произносить речь, — сказала миссис Оливер. — Их будут произносить другие, кто это любит, и у них это получится гораздо лучше.

— Я уверена, вы произнесете прекрасный речь, если возьметесь за это, — ответила Мария, примеряя на себя роль искусительницы.

— Нет, не стоит, — сказала миссис Оливер. — Я знаю, что я могу, а чего не могу. Я не умею произносить речи. Сразу вся разволнуюсь, стану нервничать и, наверное, начну заикаться или повторю что-нибудь два раза. И не только почувствую себя дурачком, но, наверное, и выглядеть буду такой. Теперь со словами нет проблем. Можно их записать, или наговорить в машину, или продиктовать. Я умею обращаться со словами, если знаю, что не произношу речь.

— Ну что ж, надеюсь, все пройдет прекрасно. Я уверена, что так и будет. Будет великолепный ленч, верно?

12 *Агата Кристи*

— Да, — сказала миссис Оливер в глубоком унынии. — Ленч будет великолепный.

«И зачем, — подумала она, но не сказала, — зачем, чего ради я иду на него? — Она немного порылась в мыслях, потому что всегда любила понимать, что делает, а не делать сначала и потом удивляться, зачем это сделала. — Наверное, — сказала она, снова себе, а не Марии, которой пришлось вернуться на кухню в некоторой спешке, вызванной запахом убежавшего варенья, которое она оставила на плите. — Я хотела узнать, каково это. Меня всегда просят прийти на литературный ленч или что-то подобное, а я никогда не хожу».

* * *

После великолепного ленча миссис Оливер приступила к сладкому и с удовлетворенным вздохом поигралась с остатками меренг на тарелке. Она имела особое пристрастие к меренгам, и это было прелестное сладкое на очаровательном ленче. Тем не менее, когда достигашь среднего возраста, с меренгами нужно быть осторожнее. Зубы! Они прекрасно выглядят, и их большое достоинство в том, что они никогда не болят, они белые и совсем как настоящие. Но все-таки не совсем настоящие. А зубы, даже настоящие — или так считала миссис Оливер, — на самом деле не из первоклассного ма-

териала. У собак, она всегда так полагала, зубы из настоящей слоновой кости, а у человеческих существ — просто из кости. А если это искусственные зубы, то они из пластика. В любом случае не следует рисковать втянуться в эдакое постыдное представление, в которое тебя могут втянуть искусственные зубы. Латук вызывает трудности, и соленый миндаль, и такие штуки, как шоколад с твердым ядром, и вязкая карамель, и вкуснейшие вязкие и липкие меренги... С удовлетворенным вздохом она проглотила последний кусочек. Это был хороший ленч, очень хороший ленч.

Миссис Оливер любила себя побаловать. Ленч ей очень понравился. И также ей понравилась компания. На собрание, устроенное в честь знаменитой писательницы, слава богу, пришли не только ее сестры по перу. Были и другие писатели, критики, а кроме тех, кто пишет книги, также и те, кто их читает. Миссис Оливер сидела между двумя очаровательными представителями мужского пола.

С одной стороны сидел Эдвин Обин, чьи стихи она всегда любила, и к тому же он был чрезвычайно занимательный человек, который в своих заграничных поездках попадал в разные захватывающие истории и пережил разнообразные литературные и личные приключения. Его также интересовали рестораны и что там пода-

ют, и они прекрасно поболтали о еде, оставив вопросы литературы в стороне.

Сэр Уэсли Кент с другой стороны от нее тоже был приятным собеседником. Он наговорил много хорошего про ее книги и к тому же имел такт говорить так, чтобы не смущать ее, что делают столь многие, сами того не замечая. Мистер Кент находил одну-две причины, почему ему понравилась та или иная книга, и это были правильные причины, и потому миссис Оливер благожелательно отнеслась к его похвалам. «Похвалы от мужчин, — подумала она, — всегда приемлемы». Это женщины были неискренни. Что ей писали женщины! Вообще! Конечно, не только женщины, иногда и эмоциональные молодые мужчины из каких-то отдаленных стран. Только на прошлой неделе она получила забавное письмо, начинающееся такими словами: «Читая Вашу книгу, я понял, какая Вы, должно быть, необыкновенная женщина». Прочтя «Вторую золотую рыбку», он впал в невообразимый литературный экстаз, что, по мнению миссис Оливер, было совершенно неадекватно. Она не страдала избытком скромности. Ей казалось, что детективные истории, которые она пишет, вполне неплохи для такого сорта литературы. Некоторые были не так уж хороши, а некоторые — получше остальных. Но, насколько она могла видеть, не было причины считать ее необыкновенной женщиной.

Ей просто повезло найти удачную манеру писания, которая многим нравится. «Просто чудесная удача», — подумала миссис Оливер.

Что ж, если подумать, она прошла через это испытание хорошо. Она нравилась сама себе и говорила с симпатичными людьми. Теперь все переместились туда, где подавали кофе и где можно было сменить партнеров и поболтать с кем-нибудь еще. Миссис Оливер прекрасно осознавала всю опасность этого момента. Вот теперь на нее набросятся женщины. Набросятся с чрезмерными похвалами, на которые она, как это ни печально, не умела правильно отвечать, потому что на самом деле на них и не могло быть правильных ответов. В действительности это напоминало разговорник для путешествия в чужую страну.

Вопрос:

— Должна вам сказать, как мне нравится читать ваши книги, какими чудесными они мне кажутся.

Ответ от смущенного автора:

— Что ж, очень любезно с вашей стороны. Я очень рада.

— Вы, конечно, понимаете, что я много месяцев ждала встречи с вами. Это действительно чудесно.

— О, очень мило с вашей стороны. Действительно очень мило.